

КОСОВЕЛ И НИГИЛИЗМ: ПОПЫТКА КОНСТРУКТИВНОЙ ДЕСТРУКЦИИ

Матевж Кос

Университет в Любляне, Словения

The paper proceeds with the question of Kosovel's attitude towards nihilism. More precisely: what Kosovel understood under this term, which he was acquainted with and himself used, and in what sense did he try to transcend the subject of nihilism. In this context, the discussion primarily turns on Kosovel's attitude towards Nietzsche, as far as it can be reconstructed with the help of Kosovel's own formulations in his letters and dairy entries. On the bases of these, it is possible to advance the thesis that the alternative to nihilism for Kosovel was not «will to power» as the active life principle in Nietzsche's sense. Kosovel's aspirations followed a different path. Namely, the poet spoke of the ethical revolution, which was simultaneously a spiritual revolution, but not in the name of superman as an exposed, isolated figure of will to power, but in the name of new man, new humanity and its moral attributes.

If Nietzsche abolishes the moral differentiation between good and bad and morality as such (morality is immoral), Kosovel's endeavours go in the opposite direction: he aspires for a pronounced ethical and moral stance, since man – man as an ethical subject – needs to decide between good and bad, justice and injustice every time anew. It is in this light Kosovel's formulation of man as «ethos incarnate» should be understood.

Nietzsche is not the key figure to open the doors into Kosovel's poetic world. And yet in Kosovel's perception of Nietzsche there is some kind of a significant ambivalence. This ambivalence was in a way bolstered by what could be referred to as an unintentional misreading of Nietzsche.

Сречко Косовел (1904–1926) – известный поэт, прозаик и публицист, сегодня прочно занимает позицию классика словенской литературы. Однако и по прошествии восьмидесяти лет со дня смерти поэта творчество Косовела является предметом бурной идеологической полемики. В качестве примера можно привести инцидент, произошедший на праздновании пятой годовщины независимости Словении 26 июня 1996 г. В Любляне, на Площади Республики, проходило официальное торжество под названием «Конс. 5 – Триумфальная арка пятой годовщины независимости Республики Словения». «Конс. 5»¹ – это одна из наиболее известных поэтических «конструкций» Косовела, название которой, по замыслу организаторов торжества, должно было символически указывать на годовщину принятия конституции. Однако само стихотворение «Конс. 5» ни в ходе торжеств, ни после них не прозвучало. Некоторые видные политические деятели, в том числе и министр культуры Словении, в знак протеста отказались от звания почетных членов организационного комитета, полагая, что организаторы торжества спекулируют названием произведения Косовела.

Ниже приводится текст стихотворения «Конс. 5», который так и не прозвучал на злополучном празднике (ZD II: 23):

Gnoj je zlato	Навоз есть золото,
in zlato je gnoj.	и золото – навоз

Oboje = 0	Оба = 0
0 = ∞	0 = ∞
A B <	A B <
1, 2, 3.	1, 2, 3.
Kdor nima duše,	У кого нет души,
ne potrebuje zlata,	тому не нужно золота,
kdor ima dušo,	у кого есть душа,
ne potrebuje gnoja.	тому не требуется навоз.
I, A.	И, А.

«Конс. 5», на первый взгляд, представляет собой нанизывание необычных, разнородных, отнюдь не «лиричных» элементов, например, математических знаков, символов, звукоподражаний. Стихотворение вызывающе громко заканчивается имитацией ослиного крика. Последняя строка стихотворения, по нашему мнению, является прямой отсылкой к произведению «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше (1883–1885). Крик осла «И, А» в книге Ницше появляется несколько раз и имеет иронично-провокационное значение, выполняя сатирическую функцию, как и в произведении Косовела.

Для понимания смысла «Конс. 5» необходимо знание обстоятельств, сопутствующих его появлению, а также общего контекста поэтического творчества Косовела. Редактор Антон Оцвирк в примечаниях к собранию сочинений Косовела («Zbranemu delu») упоминает брошюру, предназначенную для крестьян, «Gnoj je zlato» («Навоз – золото»), которая случайно попала в руки к поэту во время его пребывания в Томае и подтолкнула к написанию стихотворения. Не менее важна запись в дневнике Косовела от 1925 г.: «Zlata mrzlica. / Ljudje imajo zlato mrzlico. Kapitalizem / Gnoj je zlato. / Zlato je gnoj, ker ga za to uporabljajo / Kultura = dekla / dekla kapitala». «Золотая лихорадка / У людей золотая лихорадка. Капитализм / Навоз – золото. / Золото – навоз, потому что его для этого используют / Культура = служанка / служанка капитала» (ZD III: 688).

Этот «внепоэтический» контекст проясняет замысел автора. Острие сатиры направлено против капитализма, но оно – и это стоит подчеркнуть – ни в коем случае не является способом прямой идеологической агитации. «Конс. 5», а также некоторые другие произведения из сборника «Интегралы» (вышел в 60-е гг. XX в.), представляет «буржуазный» мир как негармоничную, нестабильную динамическую структуру, которая сама по себе призывает к радикальным изменениям.

Крик осла в финальной строке «Конс. 5» – это не только насмешливое и иронично пародийное дистанцирование, но и выражение недоверия реальному историческому миру.

В связи с этим возникает несколько вопросов. Почему в своей поэзии Косовел выражает вотум недоверия реальному миру – словенскому обществу 20-х гг. XX в. и Европе в целом, какой мир он противопоставляет реальному? Почему именно поэзия становится средством выражения недоверия? Каковы идеалы Косовела, против чего он выступает? Какое значение все это имеет для модернистской структуры его поэзии? Что произойдет с идеалами Косовела, если рассматривать их с позиций ницшеанской философии, особенно с точки зрения критики так называемых модернистских идей?

Как следует из многочисленных эссе Косовела, поэт особое значение придает поэтическому слову, литературе и культуре в целом. В своем творчестве поэт использовал экспрессионистскую технику, хотя считается продолжателем традиций рефлексивной поэзии словенского модерна. Для Косовела традиция – отнюдь не музейный экспонат (ср.

идею «расчленения поэтической формы» (*antipassimo*) в футуризме), он считает себя преемником и продолжателем словенской литературной традиции. Основа творчества Косовела – достижения литературных предшественников, прежде всего основоположника словенской поэзии – Франце Прешерна.

Обратимся к заключительному фрагменту сочинения Косовела «Прешерн» (февраль 1924 г.), поводом для написания которого была годовщина смерти поэта: «А хотел бы я только одного, чтобы в эти мрачные времена, когда мы забыли, зачем живем, появилось желание взять в руки книгу его стихов и почерпнуть в них те силы, которые помогают в страдании и борьбе, которые дают человеку веру в жизнь, которые указывают цель жизни; потому что у глубоких и прекрасных душ есть особенное свойство: они впускают нас в свою жизнь, чтобы указать единственно верный путь, по которому может следовать душа: к Красоте. И такая душа есть Прешерн» (ZD III: 122).

Из этого фрагмента, написанного высоким слогом, можно извлечь несколько важных для нас мыслей. Поэзия Прешерна – выдающийся источник жизненной силы, который помогает в страдании и борьбе. Можно ли назвать волю к поэзии, которую проявляет Косовел, ссылаясь на Прешерна как на высший поэтический авторитет, волей к власти? Поиски ответа на этот вопрос неизбежно приведут нас к проблеме преломления философских идей Ницше в творчестве Косовела.

Ряд размышлений Косовела, безусловно, имеет ницшеанскую окраску. Имя Ницше часто упоминается в произведениях Косовела. В 1923 г. он, по всей видимости, изучает книгу Ницше «Так говорил Заратустра», так как несколько раз ссылается на нее в письмах (ZD III: 382, 481). Для Косовела Ницше – своего рода авторитет, может быть, даже духовный учитель. Однако в ницшеанском контексте Косовел говорит о своем собственном труде, и, более того, о «самопожертвовании во имя Красоты и Истины». А в произведении под названием «Стоим» (1923 г.) говорится о «борьбе за человека и человечество», о славянах, которые спасут «усталого европейского человека своей великой волей к жизни, своим сочным, варварским, веселым желанием жить» (ZD III: 42). В том же году Косовел пишет: «Когда человек захочет настоящей жизни, [...] он должен будет выйти в окружающий мир. Это будет не человек гнилого общества и не человек самой идеальной коллективности, это человек – бог, сверхчеловек Ницше. С ним встанет и падет мир» (ZD III: 236). А в дневнике Косовел более откровенен: «Когда у меня невыносимо горько на сердце, читаю Ницше» (ZD III: 703).

Однако следует отметить, что Косовел, вступая в диалог, иногда даже полемизируя с Ницше, понимает и интерпретирует его идеи по-своему. Он далек от радикальности и еще более далек от основополагающей философской идеи Ницше. Косовел, как до него Цанкар (см. М. Кос 2003: 147-180), придает воле к власти *гуманистическую* окраску, и в *гуманистическом* контексте рассматривает ее как средство человеческой эмансипации (индивидуальной и коллективной). Это касается и заявлений Косовела о роли человечества, новом человеке, правде, новом обществе, этосе² и т.д., в которых ощущается эхо программного принципа «мессианского экспрессионизма».

Все эти эксплицитно «модернистские», «декадентские» идеи во внутреннем пространстве творчества Косовела не имеют глубокой содержательной связи с философскими идеями Ницше. Фундаментальный принцип бытия, согласно Ницше, основан на воли к власти и на метафизике вечного круговорота того же самого,

---

² Этос (греч. *ethos*) – термин античной философии, обозначающий характер какого-либо лица или явления; этос музыки, напр., – ее внутренний строй и характер воздействия на человека. Этос как устойчивый нравственный характер часто противопоставлялся пафосу как душевному переживанию.

находящегося «по ту сторону добра и зла». В перспективизме Ницше мы не имеем дела со взглядом на жизнь как на развивающуюся сущность (в смысле эсхатологического движения к некоторой Цели) и еще менее как на сущность, соответствующую какому-нибудь из этических постулатов. Для Ницше воля к власти – основа «устройства» природы, «инстинкта» существования, который есть «вечно возвращающийся, неизменный мир». То, что всегда заново возвращается, – это воля к власти, власти, которая жаждет самое себя (см. среди прочего: Nietzsche 1991: 577-578).

Поэзия и искусство для Косовела не являются воплощением кипящей силы и воли к жизни в ницшеанском смысле, а властью, изначально ограниченной. Он ограничивает пространство власти – *красотой* души. Мир, в котором пребывает «красивая душа», в котором она чувствует себя как дома, – это поэзия. Цель поэтически красивой души есть «путь к Красоте».

Ключевые положения поэтики Косовела не однородны, иногда даже противоречивы. Базовое понятие, используемое для обозначения истинности поэзии, – Красота, однако для поэта – это не просто категория эстетики, не «искусство для искусства». В черновике сочинения «Современная европейская жизнь и искусство» (1925 г.) Косовел говорит о том, что искусство – «уже более не только эстетическая проблема, как полагают некоторые университетские эстеты, но эстетическая, этическая, социальная, религиозная, революционная, одним словом, жизненная проблема [...] Так как художник, вышедший из современного «болота», ощутивший новое общество и вошедший в него, такой художник – новый проповедник истины, правды человечества и добра» (ZD III: 650). Основой обновленного общества станет «духовная революция»: «Мы хотим действия. И без духовной революции невозможно перейти к действию» (ZD III: 651).

В последний период жизни Косовела такое убеждение получило более конкретное социально-политическое содержание. Свою позицию поэт излагает в лекции под названием «Искусство и пролетарий», которую он прочел в словенском шахтерском городе Загорье в конце февраля 1926 г., за три месяца до смерти. Косовел говорит о современном художнике и необходимости его включения в движение, «в классовую борьбу за бесклассовое общество». Субъект этого движения – пролетариат. Косовел размышляет об освобождении пролетариата, которое есть, если использовать слова Маркса, условие для освобождения всего человечества. Победа Правды принесет «новую, пролетарскую, человеческую культуру», поэтому, как отмечает Косовел, «пролетарская культура – необходимость, без которой пролетариат не сможет решить своей задачи» (ZD III/3: 29).

Здесь с особой остротой встает вопрос: какой должна стать поэзия, чтобы соответствовать истине нового времени? Для Косовела поэтическое слово, несмотря на искания и программу активизации поэзии, – это прежде всего слово сильного желания. Сильное желание в своей основе не имеет цели, оно открыто, затрагивает сердца, души и причиняет боль, не поддающуюся определению.

Для творчества Косовела этого периода характерно искание, «онтологическая» неопределенность, внутренняя противоречивость, колебания между солипсизмом и активностью, его сопровождают постоянные кризисные состояния. Однако общим знаменателем поэтического творчества Косовела остается лиризм «красивой» души. Это, несмотря на техно-поэтические и тематически содержательные метаморфозы поэзии Косовела, является ее определяющей основой.

В контексте данной проблематики еще раз обратимся к фрагментам из писем Косовела. Летом 1925 г. в письме к Франице Обидови поэт говорит о великом перевороте, в эпицентре которого он находится, и о творческой нервности – части этого переворота, эта нервность имеет метафизический характер: нервный человек – медиум космических трагедий.

Особый интерес для нас представляет высказывание Косовела о том, что человек должен «по мосту нигилизма перейти на правую сторону» (ZD III: 397-398); «через нуль негативизма нужно будет пройти, чтобы выйти на действительно конструктивный путь» (ZD III: 700).

В сочинениях Косовела встречается несколько подобных высказываний. В одном из писем, также написанных Франице Обидови, читаем следующее: «Из абсолютного отрицания, нигилизма я с закрытыми глазами постепенно шагнул на правую сторону» (ZD III/2: 400).

В этом письме Косовел рассматривает актуальные для него поэтические дилеммы, а также предсказывает судьбу своей поэзии. В связи с этим мы должны обратить внимание на то, что означают слова Косовела о «настоящем конструктивном пути» или о «правой стороне», это не просто эстетическая «квазиреальность», или литературный вымысел, нет, мысль Косовела имеет подчеркнута общественную направленность.

Однако собственную поэзию (литературу и искусство вообще) он не ставит непосредственно на службу идеологии и политике. Свою позицию Косовел достаточно ясно выражает в письме Франице Обидови от 27 июля 1925 г.: «Мы, конечно, должны иметь представление о политике, но моя работа – литература. Сегодня я понимаю свою работу и круг своей деятельности так: я должен в литературе делать то, что наша молодежь делает в политике, то есть показывать время, в котором рушится один и нарождается другой мир. Почему и как – интерпретация этого зависит от индивидуального восприятия. Именно это, по-видимому, наша работа. Литература должна возбуждать в людях жажду познания! Должна постепенно увеличивать в людях жизненную силу» (ZD III: 401).

Литература «должна в людях увеличивать жизненную силу» – этот императив вновь возвращает нас к сопоставлению идей Косовела с мыслями Ницше. Мы определили, что ницшеанское понятие «воля к власти» у Косовела используется условно, в значении конструктивной воли к власти. Здесь мы имеем дело с такой волей к власти, которая будет служить человеку как «персонифицированный этос». О том, что такое персонифицированный этос, Косовел говорит в лекции «Кризис» (ноябрь 1925 г., Любляна). В этой лекции Косовел цитирует свое знаменитое стихотворение «Европа умирает». Даже беглый взгляд на это произведение показывает, что оно включает два уровня. Первый уровень – это явная социальная критика, в которой говорится, что Европа умирает, а Лига наций – это ложь. Вторая сторона этой критики почти экстатическая, ее отличает направленная вовне поэтическая субъективность, подчеркнута индивидуальная рефлекторность. Синтез социальной критики и акцентированной индивидуальности, сопровождение социальной прагматики личной, интимной меланхолией представляет собой «парадокс» поэтики Косовела.

Лекция «Кризис» – один из самых известных публицистических текстов Косовела. Анализ текста приводит нас к выводу, что «все потеряло свою ценность». Потеря ценностей происходит в преддверии будущего, когда рождается мысль о «смерти Европы». Смерть Европы – условие для возникновения нового мира и нового человека. И

именно в этот период особое значение получает искусство. Косовел пишет: «Мы приходим в знамении искусства». Искусство он понимает гуманистически, как приближение к человеку: «Человечность искусства состоит в том, чтобы приблизиться к человеку» (ZD III: 20).

Далее следует перифраз мысли Ницше, от идей которого Косовел в это время уже отказывается: «Не по ту сторону добра и зла, праведного и несправедливого, не сверхчеловеческой ложью; мы приходим как люди, живущие среди добра и зла, справедливого и несправедливого» (ZD III: 20). Косовел требует действий от имени человека и человечества. Это борьба добра со злом. Правды с неправдой. И если Ницше стирает моральное различие между добром и злом и отрицает мораль как таковую («мораль – это немораль»), то Косовел делает акцент на морально-этическом состоянии человека. Человек как духовная личность каждый раз делает выбор между добром и злом, справедливостью и несправедливостью. Отсюда и следует определение человека как «персонифицированного этоса».

В дневниковой записи Косовела от 1925 г. («О самоубийстве») встречаем высказывание о нигилизме. Речь идет о том, что источник нигилизма находится в современном обществе: «Нигилизм – это единственная философия, которая органически происходит из современного разрыва общества и человека, современная культура не может породить лучшей ‘философии’» (ZD III: 648).

Альтернативу нигилизму Косовел видит не в ницшеанской «воле к власти», а в этической, духовной революции, которая совершается не от имени человека как субъекта воли к власти, а от имени нового человечества и его моральных атрибутов – Любви, Честности и Истины.

Именно в этом контексте мы и должны понимать высказывания Косовела о великом перевороте, в центре которого он находится, о том, что мы должны перейти «через мост нигилизма на правую сторону». Показательно в этом смысле также отдельное критическое высказывание Косовела о нигилизме: «Сон о нигилизме; все убить, все разодрать, умереть, блаженство разрушить, разрушить» (из записных книжек 1924 г., ZD III: 617).

Отношение Косовела к Ницше и к проблематике «европейского нигилизма» подтверждает сложность ситуации поэтической и личной жизни Косовела. Именно она заставляет поэта по-своему «прочсть» Ницше. Попытки переосмысления идей немецкого философа – это попытки преодоления нигилизма. Они находятся по ту сторону истинности и неистинности понимания и характеризуют живую непосредственную душу поэта, обладающего собственной твердой позицией в неустойчивом послевоенном словенском обществе 20-х гг. XX в.

Библиографический список

- Kos M.* Kosovelov konstruktivizem: kritika pojma / M. Kos // Primerjalna književnost. 1986. IX/2.
- Kos M.* Poskusi z Nietzschejem: Nietzsche in ničejanstvo v slovenski literaturi / M. Kos // Razprave in eseji; 51. Ljubljana, 2003.
- Kosovel S.* Zbirka Bela krizantema / S. Kosovel. Ljubljana; Trst, 1967.
- Kosovel S.* Zbrano delo I / S. Kosovel. Ljubljana, 1964.
- Kosovel S.* Zbrano delo II / S. Kosovel. Ljubljana, 1974.
- Kosovel S.* Zbrano delo III / S. Kosovel. Ljubljana, 1974.
- Kralj L.* Ekspresionizem, Literarni leksikon 30 / L. Kralj. Ljubljana, 1986.
- Nietzsche F.* Sämtliche Werke / F. Nietzsche // Kritische Studienausgabe in 15 Einzelbänden. München; Berlin; New York, 1988.
- Nietzsche F.* Tako je govoril Zaratustra. Knjiga za vse in za nikogar / F. Nietzsche // Filozofska knjižnica; 15. Ljubljana, 1984.
- Nietzsche F.* Volja do moči. Poskus prevrednotenja vseh vrednot: iz zapuščine 1884/88 / F. Nietzsche // Filozofska knjižnica; 34. Ljubljana, 1991.
- Vrečko J.* Srečko Kosovel, slovenska zgodovinska avantgarda in zenitizem / J. Vrečko. 89. Maribor: Znamenja, 1986.